

ОТБОР И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В РОМАНЕ М. ОСОРГИНА «СИВЦЕВ ВРАЖЕК»

Т. И. Большакова, Ю. Т. Правда

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 января 2013 г.

Аннотация: в статье анализируются иноязычные вкрапления романа М. Осоргина «Сивцев Вражек» с точки зрения классификации по соотношению контактирующих языков. Рассматриваются художественное своеобразие и стилистические функции иноязычных вкраплений в романе.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, языковые контакты, стилистические функции, русская эмиграция, литературный язык, коннотации.

Abstract: foreign language insertions in the novel «Sivtzev Vrazhek» by M. Osorgin are analysed from the point of view of contacting languages relationship classification. Artistic individuality and stylistical functions of foreign language insertions in the novel are also considered in the article.

Key words: foreign language insertions, language contacts, stylistical functions, Russian emigration, standard language, connotation.

Роман «Сивцев Вражек» М. Осоргина – писателя первой волны эмиграции – был впервые напечатан на русском языке в Париже в 1928 г. Среди русских писателей зарубежья М. Осоргин занимал особое место, так как покинул Россию не добровольно, а был выслан за границу с группой известных писателей и ученых в 1922 г. «в целях пресечения дальнейшей антисоветской деятельности» [1, с. 15]. Уроженец Перми, выпускник Московского университета, М. Осоргин принадлежал к русской интеллигенции, мучительно искавшей свое место в революционных событиях России начала XX в. Эти поиски сначала привели М. Осоргина в радикальное крыло партии эсеров; он был арестован и полгода провел в Таганрогской тюрьме. Затем на десять лет перебрался в Италию, где сотрудничал в эмигрантских сборниках, заявив в печати об уходе от активной деятельности в партии эсеров [2, с. 207].

Роман «Сивцев Вражек» – вершина творчества М. Осоргина. В нем отражены драматические события в жизни передовой русской интеллигенции, свидетелем и участником которых был и сам автор. М. Осоргин не отрекся от России, говорил, что никогда добровольно не покинул бы Россию.

На переднем плане повествования в романе – жизнь простых «неисторических» личностей, Дом, где живут профессор-орнитолог и его внучка Танюша, – Дом, «с которым так или иначе оказываются связанными самые разные действующие лица произведения, через который перекачиваются волны истории – первая мировая война, революция, голод, разруха» [1, с. 23].

Исследователи романа считают, что «Сивцевым Вражком» М. Осоргин окончательно утвердил свой собственный повествовательный стиль, генетически связанный и с русской классикой XIX в. – Тургеневым, Гончаровым, Толстым, и с художественными исканиями начала XX в. Проза М. Осоргина – «теплая, светлая, нравственно ориентированная проза, самим своим ритмом, своей гуманистической тональностью преодолевающая суровость жизненного материала» [1, с. 26]. Отмечали и прекрасный русский язык писателя, который еще ждет своего всестороннего изучения.

В данной статье рассматриваются иноязычные вкрапления, используемые М. Осоргиным в романе. Иноязычные вкрапления вводятся и в другие литературные языки мира. Особенно широко их употребляли в русском литературном языке XIX в., на материале которого в основном и изучались иноязычные вкрапления в русистике [3–7 и др.].

Иноязычные вкрапления – это стилистическая категория литературного языка, обязанная своим появлением двуязычию (многоязычию) носителей языка. В отличие от других стилистических категорий (просторечия, диалектизмов, жаргонизмов), она находится за пределами не только системы литературного языка, но и всего принимающего языка и используется не в одном каком-либо его стиле, а характерна для всей литературно-книжной речи, где подчиняется определенным закономерностям (нормам).

С точки зрения соотношения иноязычных вкраплений с системами контактирующих языков в русской литературной речи были выделены следующие типы иноязычных вкраплений: 1) полные/самостоятельные

предложения или их сочетания, междометия, вставные и вводные конструкции, обращения, введенные в иноязычном оформлении без всяких изменений; 2) частичные в иноязычной или русской графике, в той или иной мере (фонетически, морфологически) ассимилированные или включенные в синтаксические отношения в русском предложении; 3) контаминированные (явления «ломаной речи»): словосочетания, предложения (или более крупный отрезок русского текста), употребленные по законам другого языка или с нарушением законов русского языка; 4) нулевые, представляющие собой переводной текст, включенный в оригинальную русскую речь. Этот тип вкраплений находится в одном ряду с остальными типами вкраплений, так как тоже используется для передачи иностранной речи, подчас заменяя или дополняя эти типы [8, с. 23–26].

Иноязычные вкрапления кроме номинативной функции выполняют стилистические функции: 1) национально-культурную (в текстах с национально-культурным своеобразием содержания); 2) интернационально-культурную, или «престижную» (в текстах независимо от наличия или отсутствия в них национально-культурных особенностей содержания) [7, с. 6–7].

В романе «Сивцев Вражек» выявлено (с точки зрения соотношения иноязычных вкраплений с системами контактирующих языков) небольшое число полных, нулевых и частичных иноязычных вкраплений. К полным вкраплениям относятся заголовки некоторых глав романа: *Lasius Flavus* (лат.) [9, с. 46], *De Profundis* (лат.) [9, с. 63], *Axios* (греч.) [9, с. 158], *Opus 37* (лат.) [9, с. 294], а также предложение: *L'amor e invincibile, come la forza italiana* (итал.) [9, с. 54]. Частичные иноязычные вкрапления – *mille basi* (итал.) [9, с. 54] в составе предложения: «Он посылал ей mille base» [9, с. 54], фрагмент из Псалтыри: «земнии убо от земли создахомся, и в землю туюжде пойдем» [9, с. 89–90], международный термин на французском языке «*la loi de participation*» в предложении: «Мы же придумали *la loi de participation*, и мир поблек» [9, с. 205], а также иноязычные вкрапления – названия глав, употребленные в составе русских предложений: «...Эдуард Львович играл *De Profundis*» [9, с. 65]; «...*Opus 37* создан гением» [9, с. 296]; «и вечернее небо выслало первую звезду ... совета светил: «*Axios!* – Достояна!»» [9, с. 160].

В лингвистике не решен вопрос, относить ли собственные имена других народов в русских текстах к иноязычным вкраплениям. В главе «Солдаты» М. Осоргин приводит названия городов и местечек, откуда молодые парни были призваны в армию: «Блаукирхе и Иоганнисвальд. Еще дальше к западу жили и ушли на фронт Жаны и Базили из местечек Масси и Бьевр, южнее из живописного прибрежного Пьеве

ди Каstellо и горного Рокка ди Сант Антонио...» [9, с. 53]. Мы полагаем, что широко известные в русском языке имена Ганс, Жан, Джованни можно рассматривать как лексические заимствования – экзотизмы. Что же касается названий указанных выше местечек, незнакомых русским читателям и не случайно употребленных автором в их полной форме, непривычной для русского уха, то они имеют все признаки иноязычных частичных вкраплений.

Отмечены в романе и нулевые иноязычные вкрапления: перевод на русский язык высказывания царя Соломона из Библии [9, с. 290], изречения из Нового Завета (Мф, 19:12) [9, с. 241], а также размышления римского императора Марка Аврелия [9, с. 290].

В целом же М. Осоргин ввел в роман немного иноязычных вкраплений, правда, разных типов и в разной графике, которые использовались и в русской литературной речи конца XX – начала XXI в., но в меньшем количестве [10]. Исследователи [11, 12] отметили некоторое сокращение иноязычных вкраплений в послереволюционной России, на что не мог не обратить внимание М. Осоргин, внимательно следивший за новинками русской литературы, живя в эмиграции, но надеясь увидеть свои произведения напечатанными на родине.

Что же касается стилистических функций вкраплений в романе М. Осоргина, то почти все они, за исключением единичных французских, итальянских, немецких вкраплений в главе «Солдаты», где использованы в национально-культурной функции, выполняют стилистическую интернационально-культурную («престижную») функцию.

В XIX в. иноязычные вкрапления в этой функции особенно широко использовались в творчестве А. С. Пушкина, который закрепил эту яркую черту в своей литературной речи и в литературно-обработанной письменной речи многих своих друзей и современников – черту, которая характеризовала речь русской интеллигенции вплоть до Октябрьской революции [7, с. 72–75].

В романе «Сивцев Вражек» иноязычные вкрапления в текстах, не имеющих национально-культурного своеобразия, используются автором не для украшения речи, а в определенной связи с содержанием текста, в который они вводились, с его стилистической принадлежностью, коннотациями, а также с дополнительной окраской самих выражений. Так, иноязычное вкрапление *De Profundis* (одна из частей поминальной католической мессы) является заголовком главы, в которой автор пишет о железнодорожном составе, отправляющемся на фронт новобранцев, среди которых есть друзья Танюши, а позднее возвращающих раненных, искалеченных солдат назад. В конце главы это вкрапление повторяется: «В этот день Эдуард Львович играл *De Profundis*» [9, с. 65]. В конце главы «Смерть»,

где сообщается о смерти Аглаи Дмитриевны, бабушки Танюши, которая «умерла любимой», автор поместил в русской графике фрагмент надгробной молитвы (из Псалтыри) [9, с. 89–90].

Однако в главе «Хирургический случай» автор с нескрываемым сарказмом пишет: «...грузное тело Завалишина опять плавало в крови. ... Ее было много, страшно много – крови палача, которая не хотела свертываться. Врачебной науке месть крови не знакома. В скорбном листе больного значилось просто: *Dissolutio sanguinis*» [9, с. 303].

Автор применил в своем романе кинематографический принцип композиции с быстрой сменой крупных и общих планов, разнородных и разномасштабных явлений, с неожиданной сменой ракурсов. Например, в главе «Пустота», где в одиночной камере философ Астафьев, раздумывая о цели жизни, вспоминает изречение Марка Аврелия, римского императора (нулевое иноязычное вкрапление): «Человек теряет только ту жизнь, которую он живет, и живет только ту жизнь, которую теряет. И никогда он не может потерять ни прошлого, ни будущего, как потерять то, чего не имеет» [9, с. 240], а также слова Соломона: «Что было, то и будет, и что делалось, то будет делаться, нет ничего нового под солнцем» [9, с. 240].

В главе «Изменники» автор тоже употребил изречение из Нового Завета как нулевое вкрапление: «С точки зрения юриста Мертваго, специальность которого временно оказалась никому не нужной, дядя Боря был тоже изменником, как поступивший на советскую службу. Правда, судил он его не очень строго: «могий вместити – да вместит», – не всякому дано сохранить принципиальную чистоту» [9, с. 241].

Если в главе «Пустота» нулевые вкрапления имеют строгую книжную научную окраску, то в главе «Изменники» изречение с точки зрения юриста Мертваго, – скорее разговорную, несколько ироничную, что подчеркивается словами «не всякому дано сохранить принципиальную чистоту».

В главе «Ахiос», где иноязычное вкрапление «излучает» движение, радость, задумывается о цели жизни и центральная героиня романа Танюша: «Было в комнате свежо, на дворе вечерело. В чем же дело? Разве смерть заполнила все?.. Закинула руки за голову, выпрямилась и громко сказала вслух: Я хочу жить! Я хочу жить!.. И вечернее небо выслало первую звезду вестником решения совета светил: Ахiос! – Достояна!» [9, с. 160], что придает тексту торжественность.

Иные ассоциации, подчас зловещие, возникают при чтении заголовка другой главы – «Opus 37», в которой описывается создание композитором Эдуардом Львовичем нового произведения: «Когда Эдуард

Львович играет эту страницу, он чувствует, как его старое и усталое сердце замирает... Тут нельзя изменить ни одной шестнадцатой! Композитор – преступник, но композитор – творец. Слушатель и служитель истины. Пусть мир рушится, пусть гибнет все, – уступить нельзя. Рвутся все нити... тьма мертвеет и умирает, – и рождается то новое, что ужасает автора больше всего: рождается смысл хаоса! Разве в хаосе может быть смысл?! ...Нет сомнения, что «Opus» – изумительное произведение!» [9, с. 197].

Хаос, переданный в музыке Эдуарда Львовича, воспринимается читателями как естественное продолжение описания того, что чувствовали, переживали москвичи в мятежные 17–19-е годы. Не случайно, очевидно, автор поместил эту главу почти в самом конце романа, после описания всех бед, которые обрушились на москвичей, на жителей Сивцева Вражка.

Подведем итоги.

Наше рассмотрение иноязычных вкраплений в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек» лишний раз подтверждает положение о том, что М. Осоргин «по справедливости обрел статус классика» [13, с. 132]. В отборе и использовании иноязычных вкраплений он опирался на сложившиеся в русской классике XIX в. традиции, в то же время «шел в ногу» с развитием русской художественной литературы в первой половине XX в. Несомненно новизна М. Осоргина в использовании иноязычных вкраплений как органичных элементов его идиостиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дядичев В. Н. Свидетель истории / В. Н. Дядичев // М. А. Осоргин. Сивцев Вражек. Из маленького домика. – М. : Панорама, 1999. – С. 5–31.
2. Михайлов О. Н. От Мережковского до Бродского / О. Н. Михайлов // Литература русского зарубежья. – М. : Просвещение, 2001. – С. 207.
3. Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь / А. А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. – М., 1966. – Вып. 8. – С. 60–68.
4. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 208 с.
5. Бабкин А. М. Словарь иноязычных выражений и слов : в 3 кн. / А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. – СПб. : Квотам, 1994. – 1344 с.
6. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 342 с.
7. Правда Ю. Т. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи XIX в. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ю. Т. Правда. – М., 1983. – 32 с.
8. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / Ю. Т. Листрова-Правда. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1986. – 143 с.

9. Осоргин М. А. Сивцев Вражек. Из маленького домика / М. А. Осоргин. – М. : Панорама, 1999. – С. 31–381.

10. Большакова Т. И. Иноязычные вкрапления в художественных произведениях В. П. Аксенова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. И. Большакова. – Воронеж, 2008.

11. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи советской эпохи (1917–

1940 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Олейникова. – Воронеж, 1992. – 20 с.

12. Скребов Г. Н. Иноязычные вкрапления в послевоенной художественной литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Н. Скребов. – Воронеж, 1997. – 24 с.

13. Ласунский О. Г. Любовь моя – Осоргин / О. Г. Ласунский // Университетская площадь. – Воронеж. – 2011. – № 4. – С. 179–183.

Воронежский государственный университет

Большакова Т. И., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков

E-mail: tatiana197813@gmail.com

Тел.: 8-920-408-37-46

Правда Ю. Т., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка

Тел.: 8(473)255-13-73

Voronezh State University

Bolshakova T. I., Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Foreign Languages Department

E-mail: tatiana197813@gmail.com

Tel.: 8-920-408-37-46

Pravda Y. T., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department

Tel.: 8(473)255-13-73